

с. 54—55, 72]. Лишь после появления, наряду с этой формой, какой-либо другой формы (*-*m* или *-*s* — как мы видели, автор допускал обе возможности) можно вести речь о *формации*, т. е., по В. И. Далю, «сложении», совокупности нескольких элементов (ср. у Курциуса Schicht).

Именно так, в развитии, представлялось Попову, насколько можно судить, образование первой формации: «в доисторическое время» — чистая основа, затем — чистая основа и форма на *-*m*, далее к ним присоединяется форма на *-*s* (или наоборот), потом появляется вокатив — в итоге возникает первая формация. Тот факт, что среди элементов первой формации не названа неоформленная основа, объясняется достаточно просто: само упоминание об этой формации в тексте «Синтаксических исследований» [4, с. 1] дано со ссылкой на Курциуса, для которого вокатив и чистая основа были тождественны. Следовательно, утверждение Ф. Ф. Фортунатова: «...в противоречии с гипотезой, выставленной в начале книги, автор думает, что никогда не было времени, когда бы индоевропейский праязык имел, кроме звательной формы, только именительный и винительный падежи» [5, с. 109] — необходимо уточнить: А. В. Попов действительно отрицает одновременное существование *только* трех указанных форм, и это его мнение действительно противоречит идее, изложенной на первой странице его книги; но в том-то и дело, что идея эта принадлежит не Попову, а Курциусу; иными словами, приведя в начале своего исследования мнение авторитетнейшего ученого, молодой русский лингвист практически сразу же вышел за пределы его концепции, выразив (хотя и недостаточно эксплицитно) собственное, оригинальное и перспективное понимание проблем зарождения индоевропейской падежной системы.

Развивая критику теории двух формаций, Фортунатов допустил и прямое искажение содержания книги: по его словам, автор «признает, что вместе с появлением именительного... и винительного падежей возник и падеж, не характеризующийся никаким суффиксом и представлявший по происхождению чистую основу, которая приобрела значение косвенного падежа именно потому, что отличалась от именительной формы» [5, с. 109—110]. Однако, как уже отмечалось, Попов никоим образом не признавал одновременного («вместе») возникновения трех названных форм, а, напротив, указывал на относительно более древнее происхождение неоформленной основы, оставившей — в отличие от *-*m*-формы и *-*s*-формы — лишь отдельные рефлексy в исторически засвидетельствованных языках [4, с. 4]. Кроме того, рецензент обратил внимание на еще одно мнимое противоречие: Попов пишет, что «первоначально существовал только падеж с суффиксом *m*», потом «явился падеж с суффиксом *s*» [4, с. 29]; «о падеже, не характеризующем суффиксом, здесь нет и речи» [5, с. 110]. Однако на с. 29 «Синтаксических исследований» говорится только о взаимном отношении, относительной хронологии развития аккузатива и номинатива: «Так было с винительным и именительным. Первоначально (из этих двух форм. — В. К.) существовал только падеж с суффиксом *m*» и т. д. — естественно, упоминание о чистой основе при таком сопоставлении оказалось бы явно излишним.

Признав неосновательными разрабатываемые в книге А. В. Попова гипотезы о происхождении именительного и винительного, Ф. Ф. Фортунатов фактически ставит под сомнение все построения, базирующиеся на указанных гипотезах, опираясь при этом на подробный разбор четырех (!) примеров из готского, латышского и литовского, неверно, по его мнению, истолкованных Поповым. В самом деле, три примера нельзя не признать неудачными, но один случай требует разбора. Рецензент опровергает сохранение временного значения у именительного падежа на том основании, что приведенный Поповым пример из литовского языка *ryts-vakarėlis* «утром-вечерком» представляет собой «несклоняемое предложение» [5, с. 114]. Известно, однако, что именно подобные лексикализованные и адвербиализованные формы наиболее устойчиво сохраняют самые архаичные значения